

Анатолий МОЛОКАНОВ

г. Великий Новгород

ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРЕЗ СЕБЯ

Валентина уткнулась лицом в подушку. Тугой комок горечи и обиды вырывался наружу, терзал душу и сердце. Рядом посапывал простуженный Вовка, видя во сне свои детские сны. Сопли он заработал от беготни во дворе в лёгонькой курточке на синтепоне. Большого она не могла себе позволить. Сумасшедшие цены на шубки, теплые шапки-ушанки зажали её в тиски. У самой на плечах уж который год болталась всё та же дублёнка, купленная когда-то ей в подарок несостоявшимся мужем. Сейчас в её памяти пробегали годы, прошедшие так зазря, брошенные будто коту под хвост. И ради чего? Чтобы просто жить ...

Слёзы обильно полили подушку. Она перевернула её на другую сторону. Новый нервный

спазм заколотил её хрупкое тело, в котором билось разгоряченное сердце. Зимняя длинная ночь пировала свою середину.

Уже под самое утро, когда силы, казалось, покинули её, она с трудом повернулась на спину и большими заплаканными глазами уставилась в потолок, отсвечивающийся в проблесках пробуждающегося дня. Перед глазами поплыли кадры её нелёгкого бытия. Она с грустью отметила, что короткие периоды её счастья памятью почти не зафиксированы. Почему-то всплывали обиды, провалы и промахи в жизни, в которой, по сути, она и не жила.

* * *

...Свадьба гудела, резвилась, баламутила всю деревню. Друзья, подруги и родственники невесты и жениха, собравшиеся почти со всего района, как будто сорвались с цепи. Необузданные речи от выпитого шампанского, водки и самогона пугали стариков и старух, пришедших поглазеть на свадьбу со стороны.

Невеста, деревенская их девчонка Валюша, небольшого росточка, круглолицая, со вздёрнутым кверху носиком и алыми, словно маки, губами, вышла замуж за районного заправилу, старше её на десять лет. Что она в нём разглядела? Что заставило согласиться родителей отдать за него единственного ребёнка?..

Её красота была причиной многих разборок парней, создавала суету на танцах и молодёжных вечеринках, где каждый искал места возле неё. Сама же она, никому не отдавая предпочтения, беззаботно шутила и дразнилась, подзадоривая лёгким флиртом и без того разгорячённых женихов. Где и когда свела её судьба с будущим мужем Жорой, никто не знал. Даже родители, застигнутые врасплох скорой свадьбой, терялись в догадках об их знакомстве, недоумевали, противились зятю. Расспросы и увещания не приносили желаемых результатов. Валентина рубила сплеча, в слезах стояла на своём. Первой угомонилась мать, сдалась, согласилась на брак. Не желая обидеть единственную свою радость, склонилась к согласию и отца.

Сваты оказались людьми хорошими, известными в районе предпринимателями, владельцами больших земель. От стеснения за своего упрямого сына они и сейчас, на свадьбе, прятали свои глаза от людей и со всем соглашались.

Рассевшиеся по возрастам гости не обращали сейчас внимания на молодёжь — жениха и невесту. Их разговоры давно захватила работа, тяжёлые будни, задержка зарплаты и бездумная политика народных избранников в аппарате власти... В тесной беседе, перебивая друг друга, всезнающих ораторов, они по-своему проводили время...

Оставленный позади и прошедший так быстро день свадьбы притомил людей. Второй день начался для них поздно, кроме тех, чьи больные головы ждали похмелья. Такие уже бродили около дома, а другие после очередно-

го стаканчика дремали в тени приусадебных тополей и березок. В полдень свадьба загудела вновь.

— За домом дерутся! — крикнул кто-то из прибежавших мальчишек.

Валентина драки не видела. В окружении подруг и сверстниц она вновь красовалась в свадебном платье, оставаясь в свои восемнадцать лет милым ребёнком. Шум с улицы они слышали не сразу. Вспокоившись, гурьбой высыпали во двор и побежали за дом. Валентина была последней...

...Её наречённый лежал вниз лицом с поджатыми под себя руками. Выкошенный недавно лог топорщился как ежик новой молодой травой. Кто-то попытался перевернуть Георгия на спину, но, увидев торчащий в животе нож, в страхе отпрянул.

— Он мёртв. Не трогайте, — произнёс с дребезжанием в голосе один из мужиков. — Надо звонить в милицию.

Из толпы с воплем бросилась к сыну мать. За ней отец. Валентина видела, как мать, хватая ртом воздух, потеряла сознание. Как отец в бессильной злобе хватал всех за грудки и допытывался:

— Кто это сделал?

Валентина медленно опустилась на землю. Белое платье пышными сборками и кружевами разбросалось вокруг неё...

* * *

Заворочался в кровати Вовка. Валентина перевела взгляд на сына. Он снова свернулся калачиком, обнимая подушку. «Сладкий ты мой ребёнок!»

Утро напиталось светом и теперь разборчиво обозначило тряпичный коврик и плательный шкаф. Это всё, что она сумела нажать в общежитской комнатке, выделенной ей по приезду в Надым.

Вовка спал беспокойно. Снова повернулся на левый бок, скомкал одеяло, продолжая поспывать простуженным носом. «Надо бы антибиотиками попить, — подумала Валентина, стараясь припомнить, сколько денег осталось в её тощем кошельке. — А на что потом хлеб, масло покупать? И вообще, как прожить на

шестьсот рублей в месяц?» — горькие мысли возвращали к действительности.

... С севером Валентину свёл случай, когда она, замужняя и незамужняя, вдова — не вдова, меняла в районе свои документы. Знакомство с девчонкой на год старше подняло дух, вселило надежды на лучшее.

Ивета внимательно выслушала историю Валентины, проникаясь доверием к молодой женщине, и предложила уехать на север:

— Сам Бог столкнул нас с тобою. И отчество, и фамилия у нас одна. Будешь моей сестрой. В ЖЭКе пропишут как пить дать по пятнадцатой форме. А так-то с пропиской у нас туговато. Избыток рабочей силы, — щебетала она.

— А где же я устроюсь? На что жить буду? — Валентина в одно время и загорелась неожиданной возможностью уехать, и испугалась: оторваться в восемнадцать лет от родного дома в беспокойное время решится не каждый.

Очередь продвинулась за разговорами быстро. Валентина дала согласие на отъезд, обменялась с Иветой адресами...

* * *

Скупые лучи февральского солнца прорвались сквозь шторы в комнатку и заиграли зайчиком на полировке шкафа. Всё яснее доносился уличный шум. Город разбудили дворники и дежурные машины.

Мороз, как назло, не сдавался. Ночью опускался за минус тридцать. В содружестве с ветром нещадно кусал прохожих, заставляя их прятаться в воротники и шали. Но дни холодного февраля были уже на исходе.

Валентина тихонечко поднялась с кровати, подошла к окну и заглянула за штору. Солнечный зайчик мигом ослепил её, согрел чуть прикрытые веки. Неподальёку блестели золотом купола Никольского храма, вселяя покой в душу.

Подал голос зуммер будильника. Она спешно прикрыла его рукой, боясь растревожить спящего Вовку. Но тот и не думал просыпаться. Сладкий утренний сон не отпускал его.

Валентина, взглянув на часы, вновь прилегла на кровать и погрузилась в воспоминания. Перед глазами опять стояла подруга: «Классная девка Ивета! Если бы не было встречи с ней, всё повер-

нулось бы в жизни иначе. Неблагодарная я, надо бы проведать. А мужик у неё настоящий кобель. Неужели она не знает?»

* * *

...Сергей, муж Иветы, так же радушно принял в семью Валентину. В день знакомства лицо его светилось радушием, на щеках играли ямочки, глаза блестели, мягкая речь обволакивала и обвораживала.

У Валентины будто камень спал с сердца. Она понимала, как трудно вот так, совсем чужому человеку, войти в семью. По сути, свалиться с неба, стеснить их в быту. И в кругу-то родных не избежать конфликтов в таких случаях... Не зря ведь говорят: «Хочешь поссориться с человеком — сделай ему добро». Ивета, Ивета...

При встрече с Сергеем Валентина сдерживала себя, чтобы не разулыбаться, разругаться, а оттого сделаться ещё красивее и привлекательнее. Она ловила на себе его цепкие, внимательные взгляды, но всё плохое, что приходило в голову, на время отбрасывала. Она знала себе цену, привыкла к мужским комплиментам и к их оценивающему вниманию. Это в пятнадцать-семнадцать ей мешали комплексы в общении с противоположным полом... Теперь же из девочки, верящей в мифическую любовь, она превратилась в молодую женщину, полную достоинств и неторопливости.

...Она вспомнила этот трехлетней давности злосчастный февраль, золотую его середину, день Святого Валентина. Тогда она уже прожила у Иветы три месяца и восемь дней. Эта дата высчитана точно. Накануне отпросилась с работы в больницу, в женскую консультацию. На аборт от Георгия она вовремя не пошла, и теперь наступила пора вставать на учёт. Вспомнились слова начальницы-директрисы: «Вы что, беременны, Валентина? Почему не сказали сразу? Всех обвели вокруг пальца!» Но Валентина знала: скажи, что она в положении, — не видать бы тогда работы. На что бы жила и зачем вообще приехала в Надым? Да и зависеть от Сергея и Иветы совсем не хотелось. Кто она им?

В тот праздничный день Сергей почему-то пришёл очень рано, тогда как Ивета работала до шести. Как бы невзначай прикоснулся к щеке

Валентины, с дрожью в голосе произнёс поздравление, вручил букет цветов.

— Спасибо, Сергей! Ты очень внимателен, и к тому же я очень люблю розы, — в смущении произнесла Валентина и безо всякой мысли, в знак благодарности, чмокнула его в щёку.

Сергей не мог совладать с собой, погасить в себе страсть и желания. Крепко привлёк Валентину к себе и повалил на диван. Шквал поцелуев в губы, глаза, мочки ушей, шею он наносил с такой нежностью, что Валентина размякла, обвила руками его шею. В этот миг в ней что-то лопнуло, раскрепостилось, очнулось от глубокой спячки.

...Она ничего не помнила. Память и разум вернулись к ней, лишь когда тело насытилось той горячей лаской, когда Сергей обмяк, движения его стали медленными, как угасающий в печке огонь.

— Зачем? Зачем? Как ты смог?.. — в смятении повторяла она, еле сдерживая подступившие слёзы. — Что мы Ивете скажем? Как посмотрим ей в глаза?

— Всё в порядке вещей. Не обращай внимания. Это должно было случиться. Я чувствовал, знал... я люблю тебя. Я потерял голову...

— Я виновата во всём! Это плата, плата тебе за жильё, — содрогаясь от слёз, говорила Валентина. — Я вынуждена теперь уйти. Дальше так не может продолжаться.

— Только не уходи. Что я скажу Ивете? Будет разлад, — умолял он теперь Валентину.

— Я не скажу Ивете, не бойся. Но оставаться у вас не могу. И встречи со мной не ищи. А за приют спасибо, — уже спокойно, без слёз, произнесла она. — И просьба к тебе одна — о случившемся не болтать и разрешить мне пожить, пока комнату в общежитии не дадут.

— Да я что?.. Кому?.. И зачем?.. Не уходи... Живи как жила, — отрезвлялся постепенно Сергей, не находя подходящих слов для утешения...

* * *

Спокойствие, спокойствие! Оно только снится. Лучи солнца давно пробились сквозь плотные шторы. Вовка всё чаще ворочался с боку на бок. Даже он привык к своему времени и к половине восьмого просыпался окончательно. Он не раз говорил Валентине, что садик ему не

нравится, и ходил туда с неудовольствием: «Там мальчишки деруца...» Валентина перевела взгляд с сына на часы, — они показывали шесть тридцать. Целый час ещё можно было валяться! В памяти опять пролетели скучные будни: ведро, швабра, тряпки. Полы, полы и полы плыли в сознании. Она радовалась и такой работе. Но зарплаты на жизнь не хватало. Пообносились одежда, рос Вовка, цены на пропитание стремительно лезли вверх.

Случайная встреча с парнем из их общежития не отложились в сердце. Он оказался обыкновенным бичом, отирался с такими же лоботрясами, как сам. Знакомству сама была не рада, еле отбилась от него, пряталась за углами, не открывала на стук дверь.

Снова взглянула на часы — шесть тридцать пять. Неужели вот так, за какие-то пять минут, можно вспомнить, словно прожить заново многие года?! В действительности — это, конечно, не так. Память в отдельных фрагментах копалась особенно тщательно, раскладывая по полочкам события и поступки. «Правильно ли я жила? Может, на многие вещи надо смотреть проще? Может, жизнь тогда пошла бы совсем по другому руслу? В какую сторону только?»

* * *

...Подработка — ночное дежурство, куда пристроила по знакомству Ивета, начиналась в восемнадцать часов. Валентина проверила записи в книге передачи смен. Заранее отметила своё дежурство в графах — «принял» и «сдал». Взяла книгу. Любовный роман с интригами «Эммануэль» полностью захватил её, отвлёк от повседневности. Резкий звонок оторвал от чтения. Валентина, увидев в дверном глазке председателя кооператива, открыла засов.

— Добрый вечер! — поприветствовал он. — Как дежурство? Не страшно ли одной?

— Всё в порядке. Не страшно, — сухо ответила Валентина. Молодой тридцатилетний председатель ей не нравился. Ростом — метр с кепкой, плюгавенький, он не походил на руководителя. Валентина знала со слов Иветы, что отец у него — большая шишка. Вот и открыл для своего сына предприятие.

Председатель прошёл в кабинет, дверь оставил приоткрытой.

Валентина вернулась на рабочее место, взяла в руки книгу, но читать уже расхотелось. Она вспомнила, что впервые увидела его в конторе, когда подписывала заявление на приём... Он не спрашивал о семейном положении, не смотрел прописку в паспорте. Как на птичьём рынке, обвёл её жадным взглядом и, чуть улыбнувшись, только и поинтересовался: «Где работаешь? Кем?» Валентина ответила без тени смущения: «В садике. Полы мою».

— Такой красивой девчонке нет другой работы? — удивлённо выговорил он, продолжая ласкать её взглядом. — У нас, кроме сторожа, пока ставок нет. В дальнейшем посмотрим на тебя, на твоё поведение и что-нибудь подберём, — уже смущаясь, закончил он и подмахнул детским почерком заявление.

Валентине хотелось сказать, что ей и не нужна другая работа, садик её устраивает, но промолчала. Только в мыслях её промелькнуло: «Интересно, а каким должно быть моё поведение?» Она поняла, что это намёк на что-то, и вспомнила передачу «Я сама». Речь шла о любовнице Клинтона. Одна из помощниц ведущей тогда в заключение сказала: «Всё хорошо! Но я бы хотела, чтобы его осудили и сняли с поста президента. Может, тогда и неповадно было и нашим мужчинам-руководителям вести себя непристойно с женщинами...»

...Валентина сидела, не зная, чем же заняться. Присутствие мужчины в конторе в такое время ставило её почему-то в неловкое положение.

— Валентина! Включите чайник. Мы кофе попьем, — громким голосом произнёс председатель, перейдя неожиданно на «вы».

Валентина включила чайник. Каморка, в которой сидели дежурные сторожа, была очень маленькой. Стол, диван, два табурета — вот и вся мебель. Она откинулась на спинку дивана, закрыла глаза и задумалась: «Почему я такая? Во всём вижу подвох, унижение. Хотя всё в порядке вещей. Многим я нравлюсь, могла бы запросто устроить жизнь. Пофлиртовать, отбить мужика, покрутить хвостом... Не знала бы лишений и бед». Собственные мысли её смутили, она стала себя урезонивать, как вдруг очнулась от щелчка закипевшего чайника.

«Отнести ему, или сам придёт?» — размышляла она, не решаясь оказать услугу.

А чайник стыл. Она вновь включила его и смотрела на кабинет с приоткрытой дверью с непонятной тревогой. Безуспешно старалась вспомнить отчество председателя, хотя многие его называли просто Вадимом. Сейчас это её не устраивало.

Время шло. Пересилив себя и свою гордость, она поднялась с дивана, медленно пошла к кабинету.

— Заходи, заходи. Я думал, что ты забыла совсем про меня и про чайник, — произнёс он, увидев в дверях Валентину.

— Чайник давно вскипел. Вам сюда принести? — застенчиво спросила Валентина.

— Тащи, вместе кофе будем пить. От бумаг хоть с тобой отвлекусь.

— Я не хочу. Я недавно пила, — отговорилась Валентина, направляясь за чайником.

Вадим приготовил чашки, насыпал в них сахар и кофе. «У меня кроме вчерашнего торта нет ничего», — произнёс он с сожалением, когда Валентина вновь вошла в кабинет. Он медленно взял у неё чайник, нежно коснулся руки и, не сводя при этом пристального взгляда, подбодрил: «Расслабься, Валентина! Меня зови просто — Вадим. Мы же одни. Да и старше я тебя ненамного, можно сказать — ровесники».

Этимися словами он снял с неё напряжение. Валентине действительно стало легче, путы души разом спали, незыблемым осталось чувство субординации.

— Я так не могу. Всё же вы — председатель. Начальство надо уважать.

— Не только. — Вадим попытался обнять Валентину, но она уклонилась. — Начальство надо любить, — добавил он и сел в своё кресло.

Так они долго молчали и пили кофе. Валентина сидела к Вадиму вполборота и чувствовала на себе его напряжённый взгляд.

Первым прервал молчание Вадим:

— Валентина! Никак не пойму тебя. Бука буккой — не подпускаешь к себе никого. Я про тебя всё знаю, давно наблюдаю за тобой... Почему живёшь не как все или многие? У тебя одна жизнь, не две, а она короткая.

Валентина не отвечала, остановив на нём пустой, проходящий мимо взгляд. Он ей не

нравился, и преодолеть в себе эту планку она не могла и не желала. Она была чистой, продуманной женщиной. Даже направляясь в магазин, всегда знала, за чем идёт, и покупала лишь то, что ей нравилось, невзирая на цены. Свой характер сложным не считала, а на замечания других не обращала внимания. Она не любила рынок. И не потому, что продавцы-южане наперебой забрасывали её комплиментами и предлагали встретиться, а потому, что не умела торговаться, зная всему свою цену...

— Я предлагаю тебе свою дружбу, — продолжал Вадим. — Дружбу, выгодную для нас обоих. Ты по возможности даришь мне ласку и любовь, я — содержу тебя, время-то трудное.

Валентине вдруг захотелось врезать ему пощёчину, а не выслушивать эту грязь, не извлекаться в ней и стать достоянием сплетен окружающих. Шила-то в мешке не утаишь...

Вадим продолжал следить за выражением её лица, пытаясь угадать ход мыслей. Он понимал, что пошёл «ва-банк», в открытую, внаглую, не задумываясь о собственной репутации. Им завладела страсть. Внутренний отпор Валентины бесил, толкал на необдуманные поступки...

— Извините, Вадим Александрович! Материальное благополучие — это не самое главное. Мне от вас ничего не надо, — прервала порыв председателя Валентина, — можете меня уволить. Это в вашей компетенции. Может, найдёте другую. Я не тот человек, за кого вы меня приняли. Игрушкой не была и не стану. — Валентина перевела дыхание, испугавшись собственной откровенной речи. Раздумываясь, выскочила из кабинета. Каморка, да и вся контора, казалась ей сейчас чужой и гадкой...

* * *

Валентина откинула одеяло. Ей стало жарко. Сын спал спокойно, но поперёк кровати. Мерно тикал будильник. Где-то за стеной пропикало семь часов. Общага проснулась и зашумела. Но от этого на душе не стало веселее. Нестерпимо захотелось домой, в родительские объятия. Она поднялась, прошла в общую кухню, поставила на газ чайник и стала разглядывать город с высоты девятого этажа. Вид его впечатлял и в другие дни поднимал настроение. Но сегодня... Она

вспомнила, что после того диалога с председателем, примерно через месяц, ей предложили уволиться и она лишилась дополнительного заработка. Что же случилось потом?.. «Дни, недели, месяцы заполнены сплошной серостью: садик, работа, сын, магазин, общага... Задрипанный телевизор «Рекорд», оставленный бывшей хозяйкой комнаты, работал на последнем издыхании. Но ведь была же ещё весна! Конечно же, весна! Июньские белые ночи. Прогулки с сыном допоздна. И встреча, случайная встреча...»

— Мама! Собачка! — воскликнул Вовка, увидев в парке среди деревьев маленькую болонку, и кинулся в её сторону.

Собачка затыкала, поджала свой маленький хвостик и убежала к хозяину, который стоял на соседней тропинке.

Валентина мельком сумела его разглядеть. Невысокого роста, лет восемнадцати, с тёмным юношеским пушком на верхней губе. Он подхватил на руки болонку, направился к ним навстречу.

— Ваш сын очень любит собак, — догнав их на тропинке, завёл он разговор. — Ласковым вырастет. Разрешите и мне с вами прогуляться? Как же зовут тебя, мальчик? — обратился он к Вовке, присев с собачкой на корточки.

Вовка испуганно прижался к ногам Валентины.

— Зовут его Вовкой. А парк большой, места всем хватит, — ответила за сына Валентина, разглядев вблизи вовсе и не парнишку, а взрослого улыбчивого парня с ямками на щеках. Так завязалась их дружба...

* * *

...Хлопнула дверь туалетной комнаты. «Доброе утро, Валентина!» — проследовала мимо соседка. Валентина, ответив «здрасьте», умылась, сняла с плиты наполовину выкипевший чайник и вернулась к себе.

Вовка лежал всё так же поперёк кровати и жмурился от играющих с ним лучей солнца.

— Вставай, а то опоздаем в садик, — ласково проговорила она и, подняв Вовку, прижала его к груди. — Какой ты у меня тяжёлый, прямо мужик настоящий. Подниматься вот только не хочешь.

— Лано есё, я спать хочу, — вяло ответил он и обвил руками мамину шею.

— Мы так опоздаем, сынуля. Завтрак пропустишь, и маму уволят с работы. Давай поскорее собираться.

Через двадцать минут они были в садике.

День за работой прошёл незаметно. Валентина помыла полы в тихий час, когда дети спали, и теперь ходила с тряпкой и протирала окна.

Солнечный день и потепление после резких морозов радовали душу. Закончив уборку, она прислонилась к окну головой, ощущая прохладу, и смотрела, как во дворе резвились две прикормленные поварами собаки. И вновь вспомнилась та собачонка, болонка Андрея. Вспомнились его мать и отец, которых видела только раз...

Единственный сын в семье был баловнем... По вечерам учился в филиале ТГУ, изредка забегал к ним в общагу, играл с Вовкой. Их встречи зашли далеко. Признание в любви Валентина приняла с радостью. Радовало и его намерение жениться. Он сделал официальное предложение... «Почему я не с ним? Что помешало нам быть вместе?» — Ей захотелось ещё раз вспомнить тот день, когда он привёл её в первый раз в дом к родителям. Вовка остался на попечении соседей.

— Мама! Отец! Знакомьтесь! Это и есть та Валентина, о которой я вам говорил, — восторженно прокричал он, подталкивая её в комнату к родителям.

Мать и отец замешкались, окинули Валентину взыскательным взглядом, встали из-за стола, поздоровались. Внешне она им понравилась.

— Проходите, садитесь, — засуетился отец. — Нам Андрей рассказывал о вас.

Валентина села в кресло, выставив на обозрение стройные ножки. На лице проступил румянец. Короткая мини-юбочка не позволяла прикрыть колени.

Отец придвинул к её креслу журнальный столик.

— Сейчас чайку попью. Андрей, помоги маме по кухне! — обратился он к сыну и снова взглянул на Валентину.

...Непринуждённая и откровенная их беседа длилась недолго.

Андрей признался в своём намерении, чем

удивил родителей и загнал их в тупик. Разговор притих. Первой очнулась от шока мать:

— Андрюша! Ты хорошо знаешь эту девушку? — произнесла она, переводя дыхание.

— Я же вам с папкой говорил, что встречаюсь с девчонкой. Знаю её хорошо.

— А вы, Валентина, откуда родом? — продолжала мать, переводя глаза с Андрея на неё. — О семье вашей хотелось бы узнать.

Валентина замялась, взглянула на Андрея.

— Говори как есть. Этим ты ничего не изменишь, — поддержал он её.

Родители насторожились, чувствуя что-то неладное.

— Я из Рязанской области. Там в деревне живут мои родители, — с волнением начала Валентина, допрос ей не нравился, — в семье я одна. Приехала ровно три года назад к знакомой... Первое время жила у неё, а потом перешла в общежитие, где и проживаю... Работаю в садике «Медвежонок», полы мою.

В глазах родителей мелькнуло удивление.

— Учитесь где-нибудь? Вы одна живёте? — не скрывала уже любопытства и продолжала настойчиво расспрашивать мать Андрея.

Валентина опять метнула взгляд в сторону Андрея. Он явно нервничал. Стало нехорошо. Ощущение полного одиночества сдавило грудь. Она всё поняла. Поняла, что с Андреем у них ничего не получится. Планы рушились. Не будет лишь по одной причине — ему не позволят родители. И она открылась до конца:

— Живу я с сыном. Ему два годика с небольшим. Расписана... хотя... — здесь она запнулась, не зная, как объяснить своё двойственное положение жены и вдовы.

Мать Андрея будто только и ждала заминки:

— Сыну два года!.. Моет полы!.. У нас в корнях сроду такого не было! Прошу вас сына оставить. Ему надо учиться. Не стоит ломать его судьбу, — уже мягче, подыскивая слова, говорила она.

Отец как бы очнулся. Понял, что не по-человечески обошлись с молодой женщиной, которую видели впервые:

— Извините нас, Валентина. Поймите сами, Андрею действительно надо учиться. Мы в него столько вложили. Он — единственный наш ребёнок, и хотелось бы...

— Что вы, что вы!.. — Валентина замахала руками, будто прозрела и захотела сгладить тон разго-

вора. — Это шутка. Всего лишь шутка. Мы разыграли вас. Андрей так хотел. Мы просто друзья ...

Андрей в недоумении молчал.

Мать перевела дух, сняла с лица маску негодования.

— Ну, вы даёте! — выдохнул отец, не зная, как теперь выкручиваться из создавшегося положения.

А Андрей продолжал смотреть на Валентину большими, удивленными карими глазами и хлопать ресницами. Он не находил нужных слов для отговорки. Затея же Валентины ему нравилась.

Валентина встала, прошла в коридор, накинула плащ и молча вышла из квартиры. Гнетущая тишина за спиной сжала сердце: «Неужели вот так возможно?.. Охранять своё чадо, ради него опуститься до бесчеловечности? Дура я, дура...» В какой-то миг она повзрослела, почувствовала себя старше, умнее и выше...

* * *

— Что ты прилипла к окну, Валюха? — окликнула её воспитательница сына. — Или тебе нездоровится?

— Всё в порядке. Смотрю на наших псов. Беззаботная жизнь у них. Лучше нашей, — уклончиво ответила Валентина, откинув воспоминания. На душе было тошно.

— Вовик не спит второй день в тихий час. Крутится, вертится, тревожит других, — продолжала уже по делу воспитательница.

— Мы с ним с вечера рано ложимся спать. Отсюда и причина, наверное. Ночь зимняя длинная... Он у меня как взрослый, — объяснила Валентина, конечно же, зная истинную причину плохого сна сына.

Тишина, разрисованные картинками стены коридоров садика завораживали, возвращали в детство. Валентине нравилось здесь работать. И сынишка рядом. Да и где найти матери-одиночке другое место? Город просто наводнён безработными. «А главное — платят вовремя! Ох уж эта зарплата, кот наплакал. Вот бы взять кого из начальства или контрактников да посадить месяца на два на такую. Может, что и изменилось бы в лучшую сторону... Вот и поймёшь женщин, что не брезгают помощью «спонсоров», — с грустью подумалось ей. Она отнесла в кладовку ведро с тряпками. Садик оживлялся, запол-

нялся голосами детей. Тихий час прошёл. Захлопали двери. Валентина прошла на кухню.

— Маринка, чайку бы! — обратилась она к старшей по кухне.

— Сегодня у нас компот. Наливай, если хочешь, сама, — не глядя в её сторону, отозвалась Маринка. Она ловко лепила котлеты, дозируя порции на глаз.

Валентина налила в кружку компота и залпом выпила. «Сахару маловато. Воруют, стервы. Все хотят жить», — промелькнуло в голове. Она села на стул и стала наблюдать за работой Маринки. Её ладная фигура колыбалась в такт движениям рук. «Живёт себе девка. Дочку растит. С мужем в разводе. Такая работа — большое подспорье в семье. — Что-то похожее на зависть дотронулось до сердца Валентины. — И любовник ведь есть, спонсор, так сказать. Намного старше. Встречается с ним третий год». — Валентина вспомнила свой последний роман, суливший золотые горы. Она тогда поддалась эмоциям и согласилась на встречу с таким же, как у Маринки...

...С обеда она опаздывала. Пробежала по магазинам, стараясь найти картошку подешевле, без неё первого не приготовишь. Даже в пакетные супы она добавляла картофель, чтобы он был погуще, посытнее. Проезжавшая мимо «жига» остановилась сама.

— Вижу, спешите с неподъёмной ношей. Садитесь, подкину, — любезно предложил водитель.

— У меня нет денег! — бросила на ходу Валентина, продолжая двигаться вдоль дороги к пешеходному переходу.

Водитель не отставал. Вновь поравнялся с ней, открыл дверку машины.

— Я бесплатно вас довезу. Для хорошенькой женщины ничего не жалко.

Валентина глянула на водителя и уселась в «Жигули». Сетка с картошкой действительно резала руки. Предложение доехать бесплатно казалось заманчивым.

— В «Медвежонок», в садик, — переводя дыхание, проговорила она.

— А вечером снова тащить вам домой! Давайте сразу отвезём. Где вы живёте? — Водитель был очень любезен.

Валентина заметила, что он смотрит на неё с подкупающим интересом. «Как хорошо, что он

предложил отвезти поклажу сразу, не надо вечером руки выкручивать».

— Не хочу я вас утруждать, — всё же отговорила она.

— Я свободен. Межвахтовый отпуск. Катаюсь от нечего делать. Так что не беспокойтесь. Куда едем? — не унимался он.

— К «Уюту», в общагу, — согласилась Валентина.

Они познакомились. Нового знакомого звали Алексеем.

— А вы не замужем? — сыпал он вопросами. — Сразу видно, раз таскаете тяжести.

— Да, не замужем. — Валентина только сейчас внимательно рассмотрела лицо водителя. Он был много старше её, с вьющейся сединой на висках, опрятный. По всему было видно, что окружён достатком.

— А дети есть? — не унимался Алексей, подъезжая к подъезду «Уюта».

— Двое, — соврала ему Валентина, удивляясь чрезмерному любопытству и манере его общения. — Спасибо, что довезли. Обрато дойду сама.

— Я подожду. Хотите, донесу до комнаты? — предложил Алексей. Девчонка ему очень нравилась. Не дожидаясь ответа, он выскочил из машины и взял из её рук сетку с картошкой.

Валентина от такого галантного общения поневоле расслабилась, засеменила за ним в подъезд.

— Только к лифту поднесите. Дальше я сама, — остановила она его, опередив в дверях.

Алексей вернулся в машину, вытер тряпкой пыльные от картофеля руки и стал ждать возвращения пассажирки.

Через пять минут, запыхавшаяся от суеты, вышла на улицу Валентина и с досадой увидела ту же «жигу». Что-то сдерживало её, предостерегало от желания снова воспользоваться услугой водителя. Но, с другой стороны, и обрадовало — хоть кому-то она ещё нужна, о ней заботятся... Она подошла к машине с намерением сесть на заднее сиденье.

— Садитесь вперёд! — удержал водитель, — я не люблю, когда мне в затылок дышат — человека не видно.

«Жигули» резко, с шиком рванули с места и понеслись на улицу Зверева.

— Валентина, как это вы управляетесь с дву-

мя детьми? Такая девчонка и одна, — атаковал её Алексей, чувствуя, что времени для общения мало. А сказать надо очень много. Так хотело его сердце.

— Так и управляюсь, как и другие. Вы разве лучше устроены? — спросила Валентина, усмехаясь в душе своему обману.

— Конечно, лучше! Я в системе Газпрома работаю. Плюс супруга в бюджетной сфере. В межвахту деньжата водятся.

— Завидую вам, — вздохнула Валентина. Ей действительно надоело на всём экономить копейки, не говоря о рублях. Надоело отказывать себе даже в малости: не покупать губнушки, тушь, разрекламированные средства личной гигиены...

— Хотите, я буду вам старшим другом? В этом нет ничего предосудительного. — Алексей уловил перемену в настроении Вали и понял, что это тот самый случай, которого он ждал. — Буду помогать материально и по хозяйству. Молодой-то ухажёр обсюсявит и на пузырь попросит. — По глазам Валентины Алексей понял, что она пытается определить его возраст. Ох, как ему хотелось быть сейчас молодым!

Валентина думала: «А что, может, он и прав? Но возраст... Зато с меня никаких обязательств. Попробовать с ним просто пофлиртовать?» — корыстные мысли натыкались на совестливые увещевания, на страх, самолюбие...

Машина подрулила к воротам «Медвежонка».

— Значит, согласны, раз молчите? — улыбаясь, подытожил Алексей. — А бояться не надо... Сначала мы узнаем друг друга, привыкнем.

— Не обещаю. Время покажет, вы сами сказали, — ответила Валентина и выпорхнула из машины. Вдогонку услышала:

— Где вас найти? Назовите номер комнаты.

— «Медвежонок», «Уют», сами знаете, — крикнула Валентина, махнув на прощание...

* * *

— Валентина! Ты что-то сегодня странная, — разделавшись с котлетами, спросила Марина. — Стряслось что?

— Ничего не стряслось. Анализирую жизнь свою. Случаются такие моменты...

— Да брось. Плыви по течению, пока оно есть,

Валюха. Отбрось ты свою мораль. — Марина помыла руки, села. — Сейчас вообще тяжело. К берегу не прибьёшься. Вытолкнут снова на середину. Понимаешь, о чём я?

— Не понимаю. Загадками говоришь.

— На работу без блата устроишься? Мохнатые руки нужны, знакомство. Оплата труда — сплошные перекосы. Рот откроешь — считай, что уволена. А цены растут, не угнаться. Тут уж не до гордости... Ты-то всё в розовом цвете видишь.

— В этом ты права, Маринка. И в остальном с тобой спорить не хочу. Люди подлыми стали. Под себя да под себя гребут, о себе только и думают... Во что верить? Обидно. Друг друга дурим... — Валентина вспомнила Алексея. Встречи их были недолгими — раза четыре, пять. На взаимность она так и не согласилась...

— Я знаю, о чём ты глаголешь, подруга. Сама в таком положении. Разница лишь в одном — дольше встречалась. Человек неплохой попался. Уехал с семьёй на землю. Жена приболела. А были денёчки!.. Тянула, терпела. Что сделаешь?

Валентина кивнула головой:

— Да, Марина, дружить мы с тобой не дружим близко, а в курсе всех перипетий. Бабы сплетни летят далеко. Стоит одной открыться, поплакаться, — знают все. Вот и ты узнала... А хочешь, сейчас тебе расскажу, как на самом деле случилось? Из первых уст, не понаслышке, а?

— Не надо, Валюша. Держи свои тайны при себе. Мало ли чего болтали языки. Не со зла, по недомыслию. Мало ли какие глупости от безвыходности совершаются. Бог нам судья. Испокон веку рядом сучки и кобели. Вот и твой таким оказался. — Марина глубоко вздохнула.

— И всё же я расскажу. Расскажу или выражу своё мнение... Не смогла я себя перешагнуть в тот раз. Не любовь это была — сделка. Вот за что и ненавижу себя. — Лицо Валентины пылало. — Во многом мы виноваты сами. Годы учат, опыт жизненный...

— Ох, далеко не всех. Мы взрослеем, стареем, Валя. Давай лучше встретимся вечером. Скинемся понемногу, устроим девичник, расслабимся. Сколько той жизни осталось?! — Марина обняла Валентину за плечи, прижала к себе и заплакала. Слезы радости и печали смешались.

Жизнь действительно продолжалась!

Непротокольный случай

Конец декабря восемьдесят шестого года расхрабрился морозами. Столбик термометра съезжился у минус сорока и не в силах был оторваться от этой цифры, словно примерз. Напористый ветер рвал и метал все в округе: стонали мачты кранов, металл потрескивал на причальной стенке. Весь берег Обской губы громоздился торосами. Ее воды мороз успокоил, надолго схватив поверхность панцирем толстого льда. Затихли ручьи и реки, впадающие в губу, отгородив от мира свою внутреннюю жизнь.

Но ни мороз, ни холодный северный ветер и снег не смогли загнать рабочих по «балкам» и баракам. Сдавалась в эксплуатацию первая очередь речного порта.

Все работы, кроме откоса причальной набережной, были закончены. Отсыпка затруднялась доставкой щебня с другого, противоположного, берега речки с хитрым и непонятным для многих названием: Нюдя-монгота-Епоко. И речка — не речка, ручей — не ручей, и ширина небольшая, а глубина вот до шести метров. Поработали, постарались землесосы: раздвинули, углубили ее русло в низовье Обской губы, где и раскинулся, как в потайном кармане, красавец порт. Сто метров речной переправы и сдерживали тогда работы, слабый лед не давал возможности перегнать

на противоположный берег бульдозер для взрыхления скованного, как монолит, щебня.

— Нарастить бы лед надо, — предложил механик Котов начальству из треста. Но, зажатый в сроки, отступился от этой затеи.

Начальник участка Левицкий мотался в те дни по причалу и лихорадочно обдумывал варианты перегона техники, заведомо зная, что чуда не будет. Отказать начальству он был не в силах. Выработанная годами исполнительность толкала вперед, вселяя веру в слова и расчеты зама: «Любой ценой... Порт не сдадим — тебе отвечать, учти».

Прораб сомневался.

— Невозможно такое без подготовки, — твердил он как заводной. — Лед еще слишком тонок, всего девятьсот миллиметров, а вес экскаватора тридцать шесть тонн, не говоря о «Комацу», который за пятьдесят...

— Клин забивать всегда легче. Предлагайте, как выйти из ситуации, для этого мы собрали вас. — Шишкин, заместитель управляющего по северу, ждал предложений.

— Перегоним на передаче без машиниста, коль вы все боитесь и предложить ничего не можете, — прервал он затянувшееся молчание. — Первым пускайте на лед экскаватор. Выдержит — хорошо! А не выдержит — доставать будем вместе. А может, и спишем, он свое отпахал. Иного пути у нас нет.

Лихой машинист Голованов, радуясь возможности избавиться от экскаватора, сидящего у него в печенках, по команде стремительно рванул к переправе.

Кто-то успел выкурить не одну сигарету, кто замерзнуть, наблюдая диковинное зрелище, но с места не сдвинулся, обсуждая со всеми затею. Старичок экскаватор, изрядно обшарпанной наружности, точно следуя поговорке «Тише едешь — дальше будешь», перешагнул, как по нитке, стометровую пропасть.

— Я что говорил? — ликовал Шишкин.

На причале на очереди стоял «Комацу». Его решительный вид и габариты говорили о себе, случись что — и по дну пройдет через эту плевую речку.

В тесном блоке «брандвахты» плотной завесой стоял сигаретный дым. Обговаривался порядок действий.

— Давай, Петруха, пускай его следом, — торо-

пил машиниста вернувшийся с той стороны Голованов, не особенно радуясь первой удаче.

Напряжение снялось только тогда, когда «Комацу» прошел уже кромку льда и вонзил свой загнутый клык в спрессованный щебень на том берегу.

— Гоните теперь машины, — облегченно вздохнув, подал команду Левицкий и устремился к «брандвахте», где ожидали его Шишкин и Сомов, главный инженер управления.

— Все в порядке! Отлично!.. Как муха по стеклышку прополз, — обрадовал он их веселым голосом. — И «КрАЗы» уже пошли загружаться. Считайте, что через дня два закончим отсыпку.

— Цифры — это сила! — стуча пальцем по клавишам счетной машинки, многозначительно произнес Шишкин. — Зря вы боялись.

— Так люди же... — хотел оправдаться Левицкий, — техника... жалко.

О том, что Хромов во время переправы сидел за рычагами, он скрыл.

— Жалко у пчелки... На производстве как на войне: что ни день, то подвиг.

Эти слова остались без ответа.

Росли час за часом, точно муравейники, кучи щебня на набережной. Как челноки, сновали в две смены «КрАЗы», таская с той стороны причала сыпучий после взрыхления щебень. Ветер стих, показалось тусклое солнце, с трудом пробившееся сквозь густой морозный туман.

— Заправка-то когда? — окликнул водитель Левицкого, когда после обеда тот появился на набережной. — «Комацу» может встать, а за ним и экскаватор.

— Подумаем и решим. Пока пусть работают. Наш заправщик, сам знаешь, в губе тормознулся. Черт бы побрал их! Рыбки, видите ли, захотелось! Со стороны попрошу, заправят.

Утром опять вьюжило. Мороз несколько уступил в силе ветру со снегом. А тот и старался: швырял и метал белую муть, основательно задергивая видимость. Подняв воротник полушубка и прикрываясь рукавицей от встречного ветра, по причалу быстро шел механик Котов. Механизмы работали исправно.

— С таким раскладом дел к вечеру и закончим, — удовлетворенно думал он. Вдали блеснули два огонька фар. Их свет то усиливался, пробиваясь сквозь снежную гущу, то пропадал, поглощенный зарядом метели.

«Никак «Комацу» на заправку идет? — мелькнула догадка. — Зачем? Заправщик же должен сейчас подойти. Левицкий обещал».

Снежный вихрь снова заслонил от него огоньки. Но когда видимость прояснилась и он прошел еще метров десять, перед ним открылся парящий водный разлив. Ужасная догадка ошпарила его. На середине огромной лужи еще продолжали качаться сомкнувшиеся льды. Паутинная пленка льда быстро сковывала воду, в глубине которой блекли зажженные фары.

— «Комацу» провалился! — ворвался с криком в прорабскую Котов, еле переведя дыхание от быстрого бега.

Сидящие за столом над чертежами Шишкин, Левицкий и Сомов испуганно молчали.

— Возможно и с машинистом. Его я не видел, — голос механика надорвался.

Левицкий первым схватился за полусубок и шапку. Следом за ним сорвались и остальные.

— Надо срочно собрать совещание, — на ходу выдал Шишкин, — ты как инженер управления срочно организуй акт замера толщины льда на этом участке, — обратился он к Сомову, понимая, какие последствия повлечет происшествие.

— А машинист-то в испуге тю-тю, сбежал, наверное. Он должен был успеть выскочить из кабины, — предположил Левицкий.

— Если бы так, — грустно вздохнул Сомов. — Как вы там считали? — Он укоризненно посмотрел на Шишкина.

Шишкин остановился, достал неразлучный калькулятор и трижды прикинул допустимую толщину льда для нагрузки в шестьдесят тонн.

— Так и считал, — произнес он, не глядя на Сомова. — Лед толщиной в девятьсот миллиметров должен был выдержать такую нагрузку.

— Ведь туда «Комацу» прошел?! — заступился Левицкий за Шишкина.

— Прошел... В том-то и дело, что лед, видимо, трещины дал. Да машины с грузом ходили на скорости, отсюда и результат. Главное, что заставило машиниста ехать на эту сторону в этот час?

— Что машины?.. Грузенные — двадцать с хвостиком тонн. Мелочи... — Шишкин явно нервничал.

— Хвостик, видимо, и подвел. Мелочи... Крупное впереди, — заключил Сомов.

Шишкин сидел, облокотясь на стол. Перед глазами картина увиденного — парящая ог-

ромная лужа. Одно успокаивало его: не один он настаивал на переправе, бульдозер чужой, не им проводить расследование несчастного случая.

— Акт от себя мы составим. Неужели с машинистом все-таки ушел? Надо точно узнать, поднять на ноги всех, спросить, может, и правда сбежал от испуга, — он глянул на Левицкого. — И срочно сообщи о случившемся хозяевам машины.

— Подождите, сначала мы акт составим, — тихо произнес Сомов. — Без него мы будем виноватыми.

— Так и составь. Он должен давно лежать на столе. Подпишут начальник участка, механик и мастер. Этих подписей вполне достаточно. — Шишкин обвел взглядом сидящих за столом.

...У полыньи суетилась комиссия. Ежась от холода, все наблюдали, как рабочий шестом нащупал крышу кабины бульдозера. Конец шеста погрузился под воду на полтора метра.

— Метров шесть глубина, — предположил кто-то, — с учетом всей высоты «Комацу», конечно.

Рядом бурили лед. Он поддавался трудно. Мешали наледь и верхний слой снега.

— Толщина девятьсот шестьдесят миллиметров, — доложил замеряющий.

— По акту у них — тысяча триста, — председатель держал в руках акт, составленный час назад Сомовым. — Где они производили замер? — он был озадачен.

...Над причалом, свистя лопастями, пролетел вертолет, Шишкин и Сомов, прилипнув к стеклам иллюминаторов, пытались разглядеть с высоты причал. Но кроме мачт кранов они ничего не увидели. Шишкин поудобней устроился на жестком, холодном сиденье и прикрыл в задумчивости глаза.

С причала на уходящий в Надым вертолет смотрел Левицкий, сердце сжималось в дурном предчувствии.

А у парящей полыньи продолжались работы. Бригада с участка сбивала каркас из досок в виде сарая. Потом его обтянули рубероидом и установили внутрь печь — буржуйку, чтобы не замерзала вода в полынье. Ждали водолазов.

Теплящаяся надежда, что машинист сбежал и в новогодние дни где-то спрячется, день за днем угасала. Его никто не встречал и не видел: ни дома, ни на работе, ни в поселке.

Запойный Голованов весь Новый год не просыхал.

— Опохмелиться надо, — умоляюще обращался он к соседу по комнате, не в силах унять в теле дрожь. — Что хочешь отдам, только достань... А хочешь знать правду об этом Петьке Хромове, что под лед машину пустил? Достань, расскажу, — приставал он.

Пахомов, сосед по комнате, заинтересованно глянул в сторону Голованова.

— Он в тот день за водкой подался. В порту его ждали с первой вертушкой. С нарочным должны были передать. Я знаю, он сейчас где-то с друзьями пьет, боится возвращаться.

— И в тот день вы с ним пили? — настороженно спросил сосед.

— Нет, я не пил. А вечером было. За окончание работ распили. Но это не главное. Знаю, что есть у тебя, помоги... Петруха появится, все возверну сполна.

Пахомов зло оттолкнул Голованова от кровати. Ничего не говоря, спешно оделся и вышел из комнаты.

...Водолазы готовились к спуску, долго проверяли свое снаряжение, о чем-то переговаривались. Их медлительность лишь нагнетала обстановку.

— Теперь торопиться нечего. Если он там, мы ему все равно не поможем. Работа у нас такая, спешить нельзя, — отвечали они на ворчанье людей.

Первый их спуск был коротким. Таким же коротким был и ответ.

— Ото льда до кабины всего полметра. Двери кабины закрыты, но стекло с одной стороны опущено. Человека нигде не видно.

Левицкий напряженно вслушивался в сообщение. «И все же он там, у бульдозера», — не давала покоя назойливая мысль.

От повторного погружения водолаз отказался: — Без милиции работать не стану, — заявил он собравшимся. Люди тянулись к буржуйке, грели замерзшие руки, курили. Машина пришла через сорок минут. Толпа образовала узкий коридор и пропустила к полынье милиционера.

Водолаз подал знак рукой, что готов, и смело шагнул в воду. Минуты казались часами. Левицкий не чувствовал, как замерзли руки. Унты, напоенные водой, смерзлись, стали пудовыми.

Дернулась веревка, водолаза начали поднимать вверх. Теснее сгрудились вокруг полыньи люди. «Нашел или все же впустую?» — думал каждый из них.

Напарник долго снимал с головы водолаза колпак.

— Внизу он, у гусеницы, — глотнув свежего воздуха, известил тот присутствующих. — Еле нашел, глубоко и темно. Поднимать будешь ты, — обратился он к своему товарищу.

Народ зашушукался.

Левицкий со всеми на шаг отступил от полыньи, зачем-то расстегнул полушубок, снял шапку. Он не заметил, как к нему подошел Пахомов и, тормоша за рукав, что-то пытался объяснить. Не понимая слов, Левицкий устало побрел к «брандвахте».

Порывистый ветер, будто пользуясь случаем, рвал одежду с идущего впереди человека и далеко уносил обрывистые, малозначащие фразы его попутчика...

□

Анатолий Николаевич МОЛОКАНОВ

родился в 1946 г. в городе Светогорске (Ленинградская область).

Прозаик.

Публиковался в альманахах «Окно на Север», «Вече», журналах: «Сибирское богатство», «Викинг» и других изданиях.

Автор книг: «В рейсе», «Гулял свой отпуск северянин», «Как мне хочется в детство вернуться», «Надымские тайны», «Подари мне, мама, жизнь — я начну её с начала» и других.

Председатель Новгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Секретарь правления СП России,

член Союза писателей союзного государства (Россия — Беларусь).

Главный редактор журнала «Викинг» — г. Великий Новгород.

Член редакционных советов журналов «Невский альманах» и «Север».

